

Кажется, мир потихоньку устаканивается, ковидная неопределенность становится вполне себе рутинной, но абсурдная реальность подкидывает всё новые испытания. Итак, начнём наш весенний обзор литературных публикаций и посмотрим, что же волновало поэтов этой весной.

Стихотворение *Дмитрия Зиновьева*, опубликованное в журнале «Нева» (номер 4, 2021) невероятно интертекстуально, оно словно бы вбирает в себя лирические настроения Бродского и Есенина, но перепевает на свой лад, пересобирает, словно конструктор. Этот текст полон скрытого эротизма «полшестого, и стрелки повисли», но лирический герой находится во внутренней борьбе, он мечется между влечением и потребностью отделиться, обрести самость. В последних строках стихотворения происходит своеобразный метафизический переход, от бытовой любовной сцены – до преображения, не только лирического героя, но и всего мира.

\* \* \*

*Квартира в этот час еще спала...*

И. Бродский

Полшестого, пожалуй, пора  
выходить на природу из дома,  
потому что природа с утра  
возвращает законы Ньютона.  
Половицы скрипят в тишине,  
побежали мурашки от холода,  
и витает вопрос, как во сне,  
о напитках вечерних без повода.  
На полу, как ни странно, бычки,  
и пустые бутылки, и пробки...  
...не курю, сочиняю стишки  
и коньяк берегу для страховки.  
Не стоит ничего и нигде,

полшестого, и стрелки повисли,  
Шаганэ ты моя, Шаганэ,  
проявляются мрачные мысли.  
Ненаглядная спит, Боже мой,  
и не мерзнет, создание севера,  
может быть, утомленный покой  
открывается взгляду намеренно,  
чтобы помнил на полдник икру,  
на обед что-то с чем-то и фрукты  
и что плел перед сном ввечеру,  
когда пили коньяк на три буквы.  
Натурально, движение сфер  
шебуршит в деревянном затылке...  
...и потянется к ней кавалер,  
если выпить еще полбутылки.  
Половина шестого, пора,  
снег мелькает, акафист неистов,  
обещает успех мишура,  
не держите в застенках таксистов.  
Череда бесконечных лакун,  
тайны слова в процессе движенья,  
шумерийский спасительный шум  
и автобус как преображенье.

В журнале «**Нева**» (номер 5, 2021) также можно прочесть стихи *Рустама Мавлиханова* (Будды), чья яркая образность соединяется с глубоким космогоническим осмыслением бытия. Стихотворение «42», начинающееся переключкой из Данте, говорит об окончании мира, о приближающемся Страшном Суде («Смотрел в нас Бог огромным черным оком»), но стоит помнить, что каждый конец предвещает рождение нового. Если предположить, что 42 – ответ на «Основной вопрос жизни, Вселенной и всего остального» по роману Дугласа Адамса, то последние строки расширяют трактовку: только любовь является смыслом жизни. Не только плотская любовь женщины и мужчины, но и в целом животворящая сила любви, направленная сквозь человека ко всему сущему.

42

Земного шоу отыграв две трети,  
Украсил я карминовость небес  
Серебряною оспиной кометы.

Под жаром Солнца свой теряя вес,  
Я рассыпался бисером на строки,  
Двумя лучами образуя крест.

Планеты строились предвестниками рока  
И с мира стен, со всех шести сторон,  
Смотрел в нас Бог огромным черным оком.

Я слышал шелест звезд, галактик стон  
И ту, что, верная своей природе,  
Соединяла праведность с грехом.

Во взрыве чувств она, теряя годы,  
Стекала с горных пиков, словно бриз –  
Любовник моря и пророк восхода.

Мораль опала прахом ветхих риз –  
Людей, а значит, дьявола одеждой, –  
Мы стали девственны, и космос – чист.

Как вера, тонкая, что нить надежды,  
Протянутая предками до нас  
(И в будущее, что родилось прежде),

Отметила для вечности сей час,  
Наполненный полыни ароматом  
Под зноем, степь укывшей, как атлас,

Так женщина, свой неделимый атом  
Касанием лингама воссоздав,  
Что тропы песен завершатся садом,

Твердила молча, бедрами обьяв  
Того, кто окружил ее собою,  
Как лунный свет – дыханьем пряных трав.

В раухтопазной полосе приборя  
С песка мои смывала имена Вода –  
что тело Хаоса живое.

Хранила свет Божественная тьма;  
Но океана плоть разлив по форме,  
Мне души раздавали времена,

Чтоб мной любить.  
Степь,  
Женщину  
и горы.

В стихотворении *Максима Жукова* (журнал «Нева» (номер 5, 2021)) как никогда сильны мотивы исхода, не только физического, но и духовного расставания с прошлым, отречения от старого. Здесь

чувствуются нотки ностальгии («СССР простодушный мы никогда не вернем»), но лирический герой трезво смотрит на мир, стоически переносит невзгоды, довольствуется малым: «Нет – говорю – и не надо! Хватит того, что стою / Среди подмосковного сада в легкодоступном раю». Эти стихи глубоко социальные, они содержат множество отсылок к реальности, крепко связаны с приметам времени и места. Но в новую жизнь лирический герой берёт только самое важное, только живое: «Дачу оставим закрытой, кошку с собой заберём».

\* \* \*

Что получаем в остатке неразделенной любви? –  
Дачный поселок? – в порядке! – прочно стоит на крови.  
Осени купол воздушный? – красные листья – ковром.  
СССР простодушный мы никогда не вернем.  
Нет – говорю – и не надо! Хватит того, что стою  
Среди подмосковного сада в легкодоступном раю.

Как над «Поленницей» Фроста Бродский всерьез рассуждал,  
Так над поленницей просто – я бы стоял и стоял.

Думал бы, чувствовал, видел; вспомнил бы все, что забыл: Женщин,  
которых обидел; женщин, которых любил;

С кем оставлял без пригляда запертый на зиму дом;

Нет – говорил – и не надо, как-нибудь переживем.  
Дачный поселок в порядке; и за домами вдали  
Тянутся черные грядки преданной нами земли.  
Наша кривая дорожка стала ничьей у ручья,  
Смотрит с поленницы кошка, тоже до лета ничья.  
Не существует страны той – с плохоньким инвентарем  
Дачу оставим закрытой, кошку с собой заберем.

Подборка *Владимира Гандельсмана*, вышедшая в журнале «Знамя» (номер 4, 2021), объединена не только атмосферой упадка и осенней меланхолии, но и безумной радостью творения: «поскольку пред тобою атрибуты / безумия: вот ручка, вот тетрадь». В представленном ниже стихотворении жизнь замедляется до предела, а мир превращается в размытый набор пятен, где звук и свет – не самые надёжные ориентиры, да и те постоянно ускользают. Лирический герой – сторонний наблюдатель, беспристрастно глядящий на мир со стороны, всё ещё соединённый с ним «тоской по ускользающему», ещё слышащий утробную пульсацию земли, но уже готовый оторваться от неё.

\* \* \*

Что связывает с миром, кроме тех  
полутонов, окольных замираний –  
свет ширится в аллее, или смех

доносится случайный, или грани  
предмета стороною проблестят –  
что связывает с миром, кроме ранней

тоски по ускользящему? Взгляд  
уловит подоплёку, но стараний  
усердных не продолжит, милый брат.

Какой у человека был бы странный  
характер, боже правый, удели  
он должное вниманье подоплёке...

Что связывает с миром? Шум земли.  
Но не прямой, но косвенный, далёкий...  
Не шум, так свет, но вспыхнувший вдали.

Поэзия *Евгения Бесчастного*, опубликованная в журнале  
«**Знамя**» (номер 5, 2021), преисполнена интонацией одиночества и  
какой-то вселенской неприкаянности, где человек является лишь  
маленькой частичкой равнодушного бытия: «У меня же есть дом, но он  
так далеко, что смысла / в нём не больше, чем в звёздах над этой  
железной дорогой». В данном стихотворении лирический герой  
находится одновременно внутри и снаружи, он сам себе чужой,  
расщеплённый на части, «не умеющий правильно жить», стучащийся в  
дверь и размышляющий, открывать ли дверь вообще.

\* \* \*

кто стучит в мою дверь в позабытой ночи,  
когда выйду спросонья курить?  
это я, но другой, потерявший ключи,  
не умеющий правильно жить.

не умеющий жить, но когда, боже мой,  
я умел не петь невпопад?  
психанувший, сбежавший, с повинной домой  
воротившийся ночью назад.

и уставлюсь на дым, изучающий тьму,  
и стучусь в закрытую тьму,  
испугаюсь и не открою ему,  
а возьму и открою ему.

кто живёт в этом стрельчатом зданье огня,  
как в бутылку вмурованный джинн?  
и зачем он живёт? как он там без меня?  
как он там существует один?

*Мария Перцова*, чьи стихи можно прочесть в журнале «Зинзивер», (номер 3, 2021), жонглирует словами, словно резиновыми мячиками. Поэт смешивает значения и смыслы, пытаясь «Удивить, раскатать, растревожить», чтобы под шелухой наносных значения вдруг забрезжило что-то неочевидное и едва уловимое. Мне нравится ненатужная лёгкость этих стихов, полная какого-то детского доверия к слову, готовности следовать за своим чутьем, пускай порой даже не зная точно, куда оно заведёт.

\* \* \*

Слова как мячики, как мячики,  
Отскакивают и звенят,  
А было время – я их клянчила,  
Других не требуя наград.

Наверно, дни такие выдались –  
Не по-осеннему сухи,  
И их значенья просто выдохлись,  
Как незакрытые духи.

В журнале «Зинзивер» (номер 3, 2021) также вышла замечательная подборка *Александра Габриэля*, полная головокружительных пируэтов и метаморфоз. Это стихи, в которых слова настолько спрессованы и связаны, что по ним можно подниматься, словно по ступеням. Поэзии Александра присуще многообразие аллюзий, горько-ироничный взгляд на вещи, ощущение сиюминутности человеческих драм: «Но что же возьмешь-то с предков? Воинственны и глупы-с». В приведённом ниже стихотворении чувствуется пыль сожжённых книг Брэдбери, приближающийся конец человечества. И, если в этом есть какое-то утешение, то только в том, что всё на свете рано или поздно станет историей, будет надёжно похоронено между книжных корешков.

## ПЫЛЬ

Сгорят, как бездымный порох, размоются в полный ноль  
дискуссии, от которых одна головная боль.  
Растасканный по кусочку, стоишь на земле пустой,  
почти превратившись в точку из плачущей запятой.

Пускай и не младший Плиний – свершившемуся вдогон  
Аверченко и Феллини, придумав «Сатирикон»,  
собрав воедино крохи не слишком заметных вех,  
поставят клеймом эпохе задорное слово «смех».

Узнав, как мы, все профукав, пытались рубить сплеча,  
праправнуки наших внуков расслабятся, хохоча:  
в роду, дескать, что ни ветка, то пафоса пошлый бриз.  
Но что же возьмешь-то с предков? Воинственны и группы-с.

И только, привычно горек и тем заслужив time off,  
вобьет прошлый век историк в архивную гладь томов.  
Что ж, бомба, давай, дотикай и вне, и внутри башки –  
чтоб пылью легли мы тихой на книжные корешки.

Стихи *Владимира Алейникова*, опубликованные в журнале «Звезда» (номер 3, 2021), отличаются невероятной мелодичностью, плавным течением ритма, глубоким осмыслением жизни, попыткой заглянуть за ее изнанку и понять суть вещей. И пускай чудо не подлежит объяснению («А подоплеку чуда / Некому объяснить»), пускай реальность сурова («И лето сгнуло, и рая больше нет»), но настоящий поэт видит дальше материального, он стоит на границе между мирами, между прошлым и будущим, и пока ещё не потерял надежду на спасение.

\* \* \*

Взглянуть успел и молча побрести  
Куда-то к воинству густому  
Листвы расплеснутой, – и некому нести  
Свою постыльную истому,  
Сродни усталости, а может, и тоске,  
По крайней мере – пребыванью  
В краю, где звук уже висит на волоске, –  
И нету, кажется, пристойного названья  
Ни чувству этому, что тычется в туман  
С неумолимостью слепую  
Луча, выхватывая щебень да саман  
Меж глиной сизою и порослью скупую,  
Ни слову этому, что пробует привстать  
И заглянуть в нутро глухое  
Немого утра, коему под стать  
Лишь обещание сухое  
Каких-то дремлющих пока что перемен  
В трясине тлена и обмана,  
В пучине хаоса – но что, скажи, взамен?  
Труха табачная, что разом из кармана  
На камни вытряхнул я? стынущий чаек?  
Щепотка тающая соли?  
Разруха рыхлая, свой каверзный паек  
От всех таящая? встающий поневоле  
Вопрос растерянный: откуда? – и ответ:  
Оттуда, где закончилась малина

И лето сгинуло, и рая больше нет,  
Хоть серебрится дикая маслина  
И хорохорится остывшая вода,  
Неведомое праздную везенье, –  
Иду насупившись – наверное, туда,  
Где есть участие – а может, и спасенье.

В «Новом Журнале» (номер 303, 2021) вышла отличная подборка *Марины Гарбер*, в которой память и время словно бы водят хороводы. Поэзия Марины Гарбер всеобъемлюща, она словно пытается сохранить в ноевом ковчеге стихотворения всё то, за что ухватилась цепкая память (а может быть, также и причудившееся, пришедшее из неоткуда, но оттого не менее реальное, потому что поэт видит жизнь как она есть): «Но кто тогда вошел и повернул/меня к себе, чтоб всё запоминала?». Эти стихи невероятно кинематографичны, и в каждом коротком кадре – и жизнь, и смерть, и прекрасное невыразимое нечто, которое как дух времени и места, как подорожник, приложенный к ране, как горькое утешение «напевает нежное кромешное, / болеутоляющее что-то».

\* \* \*

За окном, где ангелы и голуби  
бьются в клетке комариной сетки,  
птичка-невеличка голос пробует,  
тянет от распевки до распевки.

Чудо неказистое и мелкое,  
как могло бы показаться вчуже,  
от бессонницы и горя лекарем  
издавна на голой ветке служит.

Ропщет на летучего, а пешему,  
заглушая перекрестный клёкот,  
напевает нежное кромешное,  
болеутоляющее что-то.

Сад остолбенел, как в землю вкопанный,  
соловьи молчат осоловело,  
но слова парят вокруг да около  
твоего, уже чужого, тела.

Сей язык не доведет до Киева,  
лишь одно понятно в темной песне  
слово ...ово ...ово – отпусти его  
вверх на самом интересном месте –



как себя обманывал и как ты сам  
был да сплыл охотником и дичью,  
зернышком бессмысленного замысла,  
перышком бескрылого величия.

Также в «**Новом Журнале**», (номер 303, 2021) было напечатано стихотворение *Валерия Черешни*, в котором мне видится опыт уязвимости, причем уязвимости двойной – перед внешним миром, его осенним холодом и распадом, и под чужим взглядом, пускай это и взгляд любви. Но всё же помним, что «...тело лишь прекраснее тогда / когда ты ничего о нем не знаешь», а любовь раздевает тело до души, сминает любые барьеры. Вся подборка Валерия Черешни построена на мотивах уходящего времени, на неизбежности осени и упадка. Осень мелькает где-то рядом, вот-вот норовит ухватить за край, и в этом приграничье «уже не здесь», но «еще не там» реальность и вымысел сливаются в одно.

### ОБНАЖЕННАЯ

...тело лишь прекраснее тогда,  
когда ты ничего о нем не знаешь,  
но вот стоишь у черного окна  
и ртутным светом улиц отливаешь.

Невидимая осень за углом,  
шурша по законным переплетам,  
пытается прикинуться зверьем,  
ломая руки деревьям-уродам,

но тоненькая... Всё же, упаси,  
в такую ночь не в комнате, а в стуже,  
и руки, прикрывавшие соски,  
хватают плечи, замыкая ужас

представленный... Спасение себя  
уютом самозамкнутого тела –  
стон против мира за спиной стекла,  
покорности его окоченелой.

Там всё необходимо решено:  
чтоб хрусткую листву настигла кара,  
чтоб молодое светлое вино  
играло – зрело – становилось старым.

Так на каком настояна вине,  
откуда эта странная свобода:  
всей кожей – по крахмальной простыне,  
и одеяло взять до подбородка,

коснуться кнопки лампы, чтоб легли  
из-за неплотных штор полоски света  
на опушённый край ее щеки  
и локоть, на подушке косо вздетый.

Но погоди, продлись, еще постой,  
придуманная мной у занавески  
с такой полузабытой чистотой,  
что мне слепит от преизбытка блеска.

Поэзия *Бориса Ильина*, напечатанная в журнале «**Новый Журнал**» (номер 303, 2021), поражает своим острым взглядом на мир, способностью выделять частное и одновременно видеть целое. Это несколько отстранённые стихи, построенные на единстве звуковых созвучий и содержания, полные неординарных образов и сравнений. Жизнь и смерть идут рука об руку, но всё же «здесь держит надежда / что жизнь безмежна», и это словно оберег от пустоты, спасение от подступающего к горлу отчаяния.

\* \* \*

легко дышится  
снег новый ложится

пышет воздух остер  
ледяной костер

звук ничего не слышит

тяжело звук льется  
как стакан на поминках пьется

входит извне  
как гусиная кожа под летнее платье

в этой внутренней тишине  
не слышать как плачется

как орется

Как всегда хороши стихи *Кати Капович*, опубликованные в журнале «**Дружба Народов**» (номер 4, 2021), они словно бы живут вне времени, ведут свой тихий разговор с вечным. Выбранное стихотворение напоминает печальную колыбельную, и, очарованный этой мелодией, медленно врываешься в прошлое «и от блошиного прямо рынка / в трамвае въехать / в те времена». Усталость и безнадежность, разочарование настоящим освобождает прошлое (поскольку прошлое –

не место и не время, но память), и оно возникает перед глазами словно бы в золотистой дымке. Эти стихи честны и соразмерны самим себе, они лишены чрезмерной поэтичности, но зато полны истинной поэзии жизни.

\* \* \*

Чёрны по краю  
с углём сараи.  
Идёт вторая  
волна зимы.  
Идут трамваи  
в наплывах тьмы.

Купить бы вот  
золотую рыбку,  
пусть принесёт  
что-нибудь она,  
и от блошиного прямо рынка  
в трамвае въехать  
в те времена.

В холодный город,  
в пейзаж немаркий,  
в места свиданий  
из прежних лет.  
И рыбка в банке  
всё-всё исполнит,  
когда желаний  
на свете нет.

Давно и безоговорочно люблю стихи *Татианы Тейт Эш*, которые также можно прочесть в журнале «**Дружба Народов**» (номер 4, 2021). Данная подборка являет собой цикл стихотворений по мотивам татарской легенды о Джанике, всю ночь носившей воду в осаждённый город, погибающий от жажды. Это отличные стихи, преисполненные пульсирующего дыхания, где автор точными птичьим штрихами разворачивает действие, связывает прошлое и настоящее. Перемены ритма, музыкальность, точность и плотность образов и метафор – всё это отличает поэзию Татианы Тейт Эш, делает её особенной и узнаваемой.

ИЧМЕ СУВ

I

Закат. Яйла безмолвствует. С народом  
ночная стража не спешит к воротам.

Тень падает на выгоревший склон,  
взбирается по осыпи, по крыше,  
спускается у каменных колонн,  
и вслед за смертью подступает ближе.  
Враги в долине.  
Зноем обелён, сухие корни тянет черноклён  
к поверженным потомкам Тохтамыша.  
Последний луч покинул склоны гор.  
Безводен город.  
Засуха и мор.

В журнале «**Дружба Народов**» (номер 5, 2021) опубликована отличная подборка поэта *Ивана Волосюка*, в которой человек противопоставляется державе, которая сама похожа на недобрый лубок, на тёмную и беспощадную силу, заставляющую «шагать балалаечным строем». В представленном ниже стихотворении война начинается иносказательно, былинно, но выходит на космический масштаб. Реальность настолько зыбка и ненадежна, что времена и события смешались в кучу, и в этом мире теперь всё возможно: «но опять я не знаю ответа на вечный вопрос: / что КамАЗы везут: соболей или беличьи шкурки?». Это стихи сквозь слезы, стихи, похожие на ожог на сетчатке, словно смотришь на пылающее солнце и не можешь отвести взгляд.

\* \* \*

*...сердце просит музыки вдвойне*  
В.И. Лебедев-Кумач

Там спросили меня: не видал ли мужей киммерийских  
в той степи, где всегдашний туман расстилается низко?  
Я смотрел в темноту. Оставался последний блокпост,  
но опять я не знаю ответа на вечный вопрос:  
что КамАЗы везут: соболей или беличьи шкурки?  
Пробивая строку, лишний гласный застрял в штукатурке.

Там воитель, перстом указав на задымленный юг,  
всё хотел разузнать, кто живёт в этом диком краю,  
где фугасный анапест, хорей с обеднённым ураном.  
Кто на ощупь идёт и губами касается крана,  
кто прикинулся мёртвым, чьё тело лежит на земле,  
сам теперь вещество, но поэзии просит вдвойне?

Плоть – космический мусор, ошмётки взорвавшихся звёзд,  
не смотри в микроскоп, ничего не увидишь от слёз.

Стихи *Геннадия Кацова*, вышедшие в журнале «**Интерпоэзия**» (номер 2, 2021) построены на мотивах сна, недаром же вся подборка

называется «Сон во сне». Прошлое здесь зыбко и недостижимо, а реальность катастрофична («в один из дней текущей кали-юги...») и вызывает лишь желание её избежать. Вне социального контекста человек превращается в эхо самого себя, и вскоре наступает момент, когда «душа зовет привычно вдаль / хоть тело предпочло б напиться». Единственное пристанище – это грёзы, прошедшее время, небольшой островок спокойствия в бушующем море современности. Но и оно едва достижимо, потому что всё на свете становится сном – даже смерть.

\* \* \*

дай сну во сне я помашу –  
когда увидеться еще нам?  
стихает в сновиденьях шум  
всех их героев непрощенных

ни поражений, ни побед:  
никто в итоге не спасется,  
когда дневной прольется свет,  
как в тьму дремавшего колодца

снаружи эхо бродит с тем,  
чтоб, доброго желая утра,  
себя отталкивать от стен,  
реальной вещью жить как будто

шумит с утра водопровод  
на кухне – не со зла, не грубо,  
о том, что он за годом год  
в ночи прокладывает трубы

и мне бы надо хоть куда,  
и лучше бы поторопиться:  
душа зовет привычно вдаль  
хоть тело предпочло б напиться

куда готов меня ведун  
вести, зевоту прикрывая? –  
сусанин слов дневных и дум,  
и берлиоз моих трамваев

зачем носильщику нести  
куда-нибудь меня отсюда,  
где сладок сон и чуткий стих  
мне обещает чудо-юдо

и летчику к чему лететь  
за мной – забавней нет занятий?!

ты говоришь: увидеть смерть...  
но ты из сна ведь сам, приятель,  
меня уводишь

Стихи *Марии Галиной*, которые можно прочесть в журнале «Волга» (номер 5, 2021), ставят вопрос о человечности, вернее о тех внутренних столпах, на которых строится человеческая идентичность. Зачастую именно то, что кажется абсолютно бессмысленным и нерациональным, все глупые привязанности и слабости и делают нас людьми: «котика жалко будет искать плакать». В этом стихотворении всё находится на узкой кромке между жизнью и смертью, в зыбкой зоне посмертия «тополь недвижим времени сколько хочешь». Удивительно, как все переплавляется в стихах Марии Галиной: и фантастические элементы, и народные мотивы, и даже интернетный мем про Наташу и котов – переплавляется, чтобы в один миг стать поэзией.

\* \* \*

Разбудим тех, кто еще просыпается  
с остальными  
потом подумаем, что делать дальше,  
пока земля пролетает тысячу километров в секунду  
не сходя с места

гул стоит в цветах на обочине мира  
в морях, где мы никогда не будем,  
голоса тех, кто предпочел остаться  
и не вернуться

мы бы и сами ушли в города у моря  
ветер полощет полосатые занавески  
прозрачный воздух белый зеленый синий  
красная черепица на мокрой брусчатке  
лепестки гардений

тополь недвижим времени сколько хочешь  
на воде переливаются пятна света  
в небе одновременно  
луна и солнце

у парапета крохотный ресторанчик  
с мангалом и винотекой  
на веранде сидят те, кто тебе дорог  
потому что это такой город  
тишина шуршание волн  
мгновенный промельк  
велосипедной спицы  
чужой язык почему-то

нам понятен  
мы бы и сами  
за лесами за темными небесами  
если б не котик

котика жалко будет искать плакать  
не понимать что случилось куда все делись  
почему никто никого не будит  
то есть наташу.  
собственно вот так оно и бывает  
столики у моря стоят пустые  
набережные песком заносит ветер меркнет  
из-за какой-то бессмысленной мелкой твари  
некоторые придурки не уезжают  
дальше, чем могут...

В журнале «**Дети Ра**» (номер 3, 2021) была опубликована подборка *Евгения Волкова*. Эти стихи написаны в ситуации, когда «отечества дымы над головою будней», в атмосфере напряжённых противостояний, тотальной усталости и одиночества, откуда нет выхода, потому что «мясорубка под винтом». Но иное развитие событий немислимо, чаша народного терпения переполнена: «говорит что иначе нельзя / многорукий как шива народ». Двойной пробел после каждого слова добавляет пространства, и словам в стихотворении есть где развернуться, вступить в химическую реакцию друг с другом. Сюрреалистические образы, игра слов, иносказательность и одновременно хлесткость высказывая превращают эти стихи в очень мощное и пронзительное высказывание.

ТОВАРИЦУ БРУТТО – 2020/08/09

товарищ брутто был как пароход –

пучину ночи он рассек как бог

и уложив меня на правый бок  
поплыл неспешно набирая ход

товарищ брутто был как пароход –

и я поднялся вроде на постой

но там где выход был всё тот же вход  
зияющий нетленной пустотой

товарищ брутто был как пилигрим –

мы пили гримы водку и лосьон

и потому мы до сих пор горим  
а он плывет прохладнее знамен

он отходил от берега бочком –

брутален как горошек мозговой

я плюнул ему в блюдечко очко  
и он поднял невыносимый вой

он вынул флаг и возвестил содом –

он лично стал у личного руля

и не сбежали крысы с корабля  
поскольку мясорубка под винтом...

В поэтических текстах, опубликованных этой весной, очень много напряжения, не только политического, но и глубоко экзистенциального. Война, революция становятся одной из центральных тем стихотворений, и это говорит о том, что поэты глубоко связаны с реальностью, чутко реагируют на происходящее.